

САМАЯ КРАСИВАЯ на свете

РАССКАЗ

ХОДЖА АХМАД АББАС

Индия

ЮНОША в узеньких брючках и модной рубашке навывпуск, облокотившись на пухлую дорожную сумку, читал газету. — Посмотри, какая красotka! — подмигнул он своему дружку. — Это Лона Пинто, наша бомбейская девчонка. Она заняла второе место на всемирном конкурсе красоты.

Молодой человек в лиловой курточке, покачиваясь в такт вздрагивающему на стыках вагону, подошел к приятелю, пренебрежительно взглянул на фотографию и выпустил облако дыма прямо в милое личико «королевы красоты».

— Подумаешь! Я не с такими еще красотками танцевал в железнодорожном колледже в Бикулле.

И они принялись перебирать знакомых девушек.

— А чем хуже Стелла Десуза? Фигурка у нее точь-в-точь, как у Мэрилин Монро.

— Нет, уж извини, Люси красивей. И к тому же никто лучше ее не танцует ча-ча-ча...

— Поймай, поймай! Джози, пожалуй, еще милее... Правда, ей не мешало бы чуточку похудеть, но зато какая она хохотушка...

Я сидел позади этих двух парней из Бикуллы, прижатый к окну тучным торговцем, и размышлял: «Как, должно быть, трудно членам жюри. Интересно, чем они руководствуются, присваивая той или иной претендентке титул первой красавицы мира? Кто может сказать, что темные глаза египтянки прекрасней голубых глаз дочери Исландии? Чему отдать предпочтение — черным как смоль косам или локонам цвета спелой пшеницы? В ком больше женского обаяния — в высокой, статной американке в ультрамодном купальнике «бикини» или в миниатюрной японочке в традиционном кимоно?

И разве все красавицы попадают на эти конкурсы? Я готов поклясться, что тысячи очаровательных девушек необыкновенной красоты остаются незамеченными, подобно стыдливой розам в тени листьев. Кто же, в самом деле, самая красивая женщина на свете? Где, в каком краю, обитает эта красавица? И чем именно она краше всех других?»

Так размышлял я по своему обыкновению, рассеянно поглядывая вокруг, и вдруг меня словно молнией пронзило: а ведь самая красивая женщина — вот она, совсем рядом, здесь, в переполненном вагоне третьего класса. В первый момент я подумал, что мне это только почудилось. «Уж не уснул ли я?» — шевельнулось в душе сомнение. Но, окинув взглядом пассажиров, я убедился, что все происходит наяву. Нет, нет, я вовсе не спал. Моя левая рука была до боли притиснута к оконной раме, а на правую навалился толстый торговец. Рядом с этим моим грузным соседом сидела его жена, закутанная в покрывало. Целая куча ребятишек кишела возле нее, точно цыплята подле наседки. Старший перелистывал детский журнал с картинками, а самый маленький все время старался вырвать его из рук брата. Девочка, игравшая с куклой, сжимала ее своими тонкими ручонками, и та издавала неприятный писк, похожий на скрип намазанной телеги. Это раздражало полную смуглолицую женщину, примостившуюся на краю лавки, и она бранила девочку на ломаном хинди.

Напротив меня сидел человек в изъеденном молью длинном пиджаке, по виду конторский служащий. Его редкая борода тоже, казалось, была побита молью. Он вез куда-то все свое многочисленное семейство: жену и семерых детей мал-мала меньше. Младшего держала на коленях мать, в чреве которой, возможно, уже шевелилось восьмое

чадо. Соседом конторского служащего был молодой человек в нозеньком, с иголки, костюме, вероятно, только сегодня полученном у провинциального портного. Галстук из искусственного шелка, пластмассовая роза в петлице и старательно напуженный пробор красноречиво свидетельствовали о том, что их обладатель отправился по важному делу — либо искать работу, либо знакомиться со своим будущим тестем. Справа от него трое мужчин с азартом резались в карты, а у самого прохода... У самого прохода сидела она.

Я обратил внимание на эту женщину, ослепившую меня своей красотой, в ту минуту, когда высокий парень доставал для нее из корзины алюминиевую кастрюлю. Молодые люди, видимо, собирались завтракать.

Красавица сняла крышку с кастрюли и начала выкладывать на тарелку какую-то нехитрую дорожную снедь. Такой чарующей красоты мне никогда не доводилось видеть ни у кинозвезд Бомбея, ни на дипломатических приемах в Дели, ни на театральных подмостках Бенгалии, ни в роскошных дворцах Раджастанха.

И в то же время я никак не мог понять, почему она кажется мне столь прекрасной. Ее лицо никто не сравнил бы с сияющей белизной лилии. Но румянец, пылавший на смуглых щеках, напоминал золотистые отблески невидимого огня. Всякий раз, когда она поднимала свои темные густые ресницы, ее продолговатые, как миндалины, глаза загорались каким-то внутренним светом. У нее были длинные волосы, заплетенные в косы, — чудесные черные волосы без всяких украшений, кроме одной алой розы. На ее изящных сильных руках поблескивали простые стеклянные браслеты. Из-под длинного сари выглядывали маленькие окрашенные хной ножки. Посмотрев на них и потом снова переведя взгляд на лицо незнакомки, я подумал, что мне, пожалуй, приходилось видеть и более красивые глаза и более красивые ноги. И снова в голове у меня возник все тот же вопрос: в чем же кроется секрет невиданной красоты этой молодой женщины, сидящей недалеко от меня в тесном вагоне третьего класса?..

Вот они приступили к завтраку. При виде жареных пури¹ и тушеных овощей, обильно приправленных всевозможными пряностями, у меня слюнки потекли. С какой нежной настойчивостью упрашивала она молодого человека отведать то или иное кушанье! Я подумал: как рано должна была встать красавица, чтобы успеть приготовить эти вкусные вещи. Я представил себе, как старательно просеивает она муку, раскатывает тесто, лепит пури и затем поджаривает их в шипящем масле... И все только для того, чтобы угостить своего любимого

во время свадебного путешествия. Нежные взгляды, которыми они обменивались, не оставляли теперь у меня сомнений, что передо мной молодая жена.

«Конечно же, это брак по любви, — думал я. — Таких взглядов не бывает там, где браки устраивают родители или профессиональные свахи». Придя к такому заключению, я твердо решил, что молодая пара действительно совершает свадебное путешествие.

Как, должно быть, экономил этот счастливый молодой человек каждую ану², отказывая себе во всем, чтобы скопить немного денег и свозить свою любимую в Бомбей. Они остановятся в каком-нибудь маленьком, недорогом отеле... Какими жадными глазами будут они смотреть на город с двухэтажного автобуса! А затем они непременно поедут на электричке в Джугу³. Впервые увидев океан, она поблагодарит своего молодого мужа взглядом, полным любви. Она подойдет к самой воде, теплые волны будут плескаться у ее ног, и красавица почувствует волнующую дрожь, словно от первой нежной ласки.

Но пока они были еще очень далеко от Джугу. Они ели в душном вагоне, и счастливейший из смертных с застенчивой улыбкой кормил свою жену, как маленького ребенка. Он клал ей в рот самые аппетитные кусочки, а она робко поглядывала на него. Лицо ее раскраснелось. В глазах полыхало нежное пламя. И тут я неожиданно для самого себя разгадал секрет ее красоты. Это была любовь. Да, только любовь! Это она пронизывала все ее существо и придавала каждому движению необыкновенную грацию...

Парень в узеньких брючках и модной рубашке, читавший газету, показал своему приятелю еще одну фотографию.

— Это «мисс Америка». И она признана первой красавицей. Черт подери! Я дал бы отрубить себе правую руку, лишь бы разок взглянуть на нее.

Мне хотелось крикнуть этим юношам: «Эх, дурачье! Вы совсем ослепли! Самая красивая женщина находится здесь, в этом переполненном вагоне, всего в нескольких шагах от вас. А вы ни разу не взглянули на нее!» Но тут поезд, грохоча на стрелках, начал замедлять ход. Увидев, что самый счастливый в мире молодой человек вышел из вагона, я бросился его догонять.

Он стоял, оглядываясь по сторонам, словно высматривал кого-то в толпе; возможно, он искал разносчика воды. В этот момент я подошел к нему и без обиняков выпалил:

— Скажите мне, пожалуйста, у вас сейчас медовый месяц?

² Ана — мелкая монета.

³ Джугу — курортная местность на берегу Индийского океана.

¹ Пури — круглые пирожки.

И с изумлением услышал в ответ:

— Какой там медовый месяц! Скоро шесть лет, как мы поженились. Нашей дочурке уже четыре года... Мы ее у бабушки оставили,—добавил он с улыбкой.

Потом он сказал:

— Прошу извинить меня. Я вышел на минутку купить дахи-бада⁴, да никак продавца не могу найти.

И он затерялся в толпе.

Раздался свисток дежурного по станции, в воздухе затрепетал зеленый флажок, и пассажиры заняли свои места в вагонах.

Я взглянул на красивейшую женщину в мире.

Она прильнула к окну и с тревогой смотрела на перрон. Но даже сейчас ее лицо, на котором застыло выражение беспокойства, было прекрасно.

Когда поезд, вздрогнув, неожиданно тронулся, она нервно вскочила с места, словно желая выпрыгнуть из вагона. Но вдруг ее лицо озарилось радостью. Она села и с облегчением вздохнула. Я оглянулся и увидел его. Он бережно нес завернутые в банановый лист котлеты, с которых капал золотистый сок. Его глаза, полные любви и ликования, как бы говорили ей: «Тебе захотелось дахи-бада, и я принес тебе то, что ты просила. Прикажи, и я пойду на край света и выполню любое твое желание...»

Грохочущий поезд продолжал мчаться по необъятным просторам страны. Наступили сумерки, в вагоне зажгли свет. Вечером стало еще теснее. Нельзя было даже вытянуть ноги, чтобы принять положение, удобное для сна, и пассажиры без конца ерзали и извивались, пытаясь хоть немножко вздремнуть. Только она безмятежно спала, положив голову на плечо мужа. На лице ее блуждала радостная улыбка, словно ей снились сказочные сны...

Проснулся я, когда уже занималось утро. Поезд стоял на станции Игатпури, а на месте красавицы и ее мужа сидели два крестьянина в турбанах.

— Куда девались те двое? — растерянно спросил я у своих попутчиков.

Канторский служащий закашлялся и, выплюнув бетель, сказал:

— Я только что проснулся, брат.— Он повернулся к своей жене: — Мать, ты не знаешь, когда ушли молодой человек с женой?

Голова, закрытая покрывалом, отрицательно кивнула в ответ.

Толстый купец разбудил свою супругу.

— Хватит спать. Мы уже подъезжаем к Бомбею.— Потом посоветовал мне: — Может быть, они сошли на этой самой станции? Почему бы вам не

выйти посмотреть. Поезд еще постоит здесь немного.

Я вышел из вагона и увидел на платформе ее, первую красавицу в мире!

Но нет, не может быть, чтобы это была она. У той было золотистое лицо цвета утренней зари, а у этой — черней эбенового дерева. Но одно не вызывало никаких сомнений: и она была красивейшей женщиной на свете. На губах ее сияла та же самая милая и счастливая улыбка любимой и любящей жены. Ее глаза искрились любовью и счастьем. К темной атласной груди прильнул ребенок, а рядом сидел его смуглолицый отец — олицетворение молодости и силы. Он курил биди⁵. Кругом сидели или лежали другие рабочие со своими детьми и женами. Тут же были сложены инструменты и домашний скраб — котелки, сковородки, лопаты, узлы с одеялами и окованные железом сундучки. Очевидно, эти люди направлялись на строительство новой железнодорожной ветки или собирались ремонтировать шоссе. И среди них сидела эта темнокожая красавица, эта самая прекрасная женщина в мире, кормившая грудью ребенка и не спускавшая восторженных, влюбленных глаз со своего мужа, с его сильного тела труженика.

Всякий раз, когда она взглядывала на него, на ее губах расцветала чудесная улыбка, обнажая ровные, сверкающие белизной зубы. И в ее лице, освещенном любовью, и в изящных линиях ее тела, доведенного до совершенства природой и честным тяжелым трудом, я разглядел несравненную красоту, которой никогда не увидишь ни в богатых гостиных, ни в павильонах киностудий, ни в фешенебельных клубах.

— Откуда вы, друзья? — спросил я их.

Внезапное появление незнакомого человека смутило женщину, она стыдливо прикрыла грудь и ребенка концом сари, а ее муж, вынув изо рта биди, ответил:

— Мы из Андхры.

— Вы давно поженились?

— Где тут выкроишь время для женитьбы? — возразил юноша.— Целыми днями дробишь камень, спишь все время под открытым небом. Пока не будет проложена железная дорога в этих джунглях, о женитьбе и думать нечего. Вот когда вернемся в свою деревню, пойдем к брамину, и он совершит обряд. Работа у нас такая, ничего не поделаешь...

Сказав это, он ласково посмотрел на свою подругу, которая была и не была его женой.

Перевели с английского
Л. Морошкина и Б. Эпельфельд

⁴ Дахи-бада — овощные котлеты, политые кислым молоком.

⁵ Биди — род самодельной сигары.